

А. Д. Курбанов

**ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ АСЛАН-БЕКА КЮРИНСКОГО В КОНТЕКСТЕ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ РОССИИ НА КАВКАЗЕ
(КОНЕЦ XVIII – НАЧАЛО XIX ВЕКА)**

Исследование посвящено событиям, происходившим в Дагестане в конце XVIII – начале XIX в., а именно противостоянию Казикумухского правителя Сурхай-хана II и его племянника Асланбека. Последний стремился вернуть Кюринское владение, принадлежащее ему по праву, с помощью российского государства, которое, в свою очередь, умело использовало этот инцидент в своих целях.

Ключевые слова: Россия, Кавказ, Дагестан, Казикумухское ханство, Кюринское ханство, политика, присоединение, противостояние, вторжение, лавирование.

A. Kurbanov

THE ACTIVITY OF ASLAN-BEK KYURINSKY IN THE CONTEXT OF THE RUSSIAN POLITICAL HISTORY IN THE CAUCASUS (LATE 18th – EARLY 19th CENTURIES)

The work is devoted to the events that took place in Dagestan at the end of the 18th century and the beginning of 19th one, namely to the opposition between the Kazikumukh ruler Surkhai-khan the Second and his nephew Aslan-bek. The latter tried to return the Kyurin estate, which belonged to him by right, with the help of Russia, which in its turn exploited this incident skillfully for its purposes.

Key words: Russia, Caucasus, Dagestan, Kazikumukh khanate, Kyurin khanate, politics, joining, opposition, invasion, manoeuvring.

В современном процессе переоценки ценностей, роли и места отдельных исторических событий и личностей предпринимаются попытки подробного, научного осмыслиения сложных, поворотных моментов в отечественной истории. Это связано с возросшим интересом общественности к своему историческому прошлому, с возможностью изучения ряда архивных документов, до недавнего времени закрытых для широкого пользования, с отказом от идеологизации, политизации исторической науки. Цель настоящей публикации состоит в анализе важных этапов в жизнедеятельности политического деятеля на Кавказе первой трети XIX в. Аслан-бека, представителя Казикумухского ханского рода, натуры сложной, противоречивой, и по сей день остающейся практически неизученной.

Казикумухское ханство в конце XVIII – начале XIX в. являлось одним из влиятельных государственных образований Северо-Восточного Кавказа. В него входило Кюринское владение, известное под названием Кюра, которое стало ареной ожесточенной борьбы, как политической, так и военно-экономической. При этом главные роли в этой борьбе играли Сурхай-хан II Казикумухский и его племянник Аслан-бек, будущий хан Кюринский и Казикумухский. Главным же «дирижером» противостояния являлось российское командование на Кавказе, прилагавшее огромные усилия для укрепления своих интересов в регионе. В публикациях архивных документов, эпистолярных и других материалов, приведенных ниже, отразился важный аспект в дагестано-русских отношениях.

После смерти Шахмардан-бека (1788)*, управляющего Кюринским владением, наследником должен был быть объявлен его средний сын Аслан-бек, так как два старших брата последнего были чанка** и поэтому не имели права называться управляющими наследством. Однако всех опередил брат покойного Сурхай-хан II Казикумухский (Кун-Буттай)***, овладев Кюрай и присоединив ее к Кази-Кумуху. Не имея сил и средств отстоять свое владение Аслан-бек, племянник Сурхай-хана II эмигрировал в Персию, затем в Турцию, надеясь найти там помощь, но не найдя ее, проживал некоторое время в Тифлисе, служил у ахалцихского паша. Царское командование на Кавказе, намереваясь упрочить свое влияние в Дагестане, пыталось всяческими мерами, и политическими и военными, сломить сопротивление Сурхай-хана II Казикумухского и Ших-Али-хана Дербентского****. Оба правителя не раз были разбиты русскими войсками, не раз давали клятву на верноподданство и не раз ее же нарушали.

Отношения между дядей и племянником обострились, в результате чего они стали не-примиримыми врагами. В письме к главнокомандующему на Кавказе графу И. В. Гудовичу Аслан-бек представлял Сурхай-хана II как «не имеющего приверженности к Российской державе» [3, с. 384].

Сурхай-хан II сделал ответный удар, наложив арест на имущество Аслан-бека и арестовав его ближайших родственников.

Российское командование на Кавказе пытается использовать вражду между влиятельными родственниками в своих целях. Еще в

1803 г., путем тайных переговоров русского командования с Аслан-беком было заключено соглашение о принятии последним присяги «на вечную верность подданства Е. И. В.» с тем, чтобы тот «обязался с подвластным ему народом делать всевозможные препятствия дагестанским хищникам, делающим грабежи по кубинской дороге» [2, л. 47].

В феврале 1809 г. граф И. В. Гудович**** в письме к Бакинскому коменданту В. А. Репину предлагает использовать Аслан-бека на пользу русскому командованию.

«Отправляя к вашему превосходительству племянника Сурхай-хана Хамбутая, казикумухского Аслан-бека, который в Дагестане довольно важен и имеет большое влияние, — писал И. В. Гудович, — я поручаю вам тотчас, по приезде, его употребить в дело против Ших-Али и оказывать ему всевозможные пособия по его службе... Как-же теперь самое удобное время, в которое он может показать свою службу, то я и отправляю его к вам, подтверждая делать ему всякую помощь. Сего же самого Аслан-бека со временем, если он покажет опыты своего усердия, я имею намерение с некоторою помощью от нас утвердить ханом казикумухским; а до того времени нужно будет, однако-же, из-под руки замечать о его поведении и для большей верности иметь от него аманата, которым дает он своего брата, единственного прибыть сюда с казачьим офицером, нарочно для сего с ним посылаемым и которому он должен его вручить... » [2, л. 47].

Проницательный главнокомандующий уже тогда с помощью русского оружия прочил утвердить Аслан-бека ханом казикумухским. Как покажут дальнейшие события, шаг был сделан верно.

Между тем русские войска разбили войско персидского шаха в Карабахе, которое вынуждено было отступить за р. Аркас. Объединенные войска шаха и турецкого султана не смогли вторгнуться в Грузию — близ Ахалкалаки они потерпели серьезное поражение от русской армии. Эти события вызвали замешательство не только в правящих кругах Ирана и Турции, но встревожили и Англию. Последняя была инициатором заключения англо-иран-

ского договора (1808) и англо-турецкого договора (1809), после чего и Иран и Турция, получив британскую помощь в деньгах и оружии, начали военные действия против России. Победы русского оружия нанесли серьезный удар по военному союзу шаха и султана, и английская дипломатия приложила все усилия, чтобы не прекратить войны. На Кавказ были отправлены эмиссары, призванные «возбуждать к возмущению горцев Дагестана», которые, однако, не добились успеха.

Недовольный своим положением, Аслан-бек обращается к новому главнокомандующему на Кавказе А. П. Тормасову, сетя на неопределенность. Пребывая в Баку, он пишет: «Я не имею ни имущества, ни власти над кем бы то ни было. Цель того, что я прибегнул ко двору Великого Государя была та, чтобы я имел людей, богатство и власть и чтобы всякий желающий мог пристать ко мне... Как я, сидя в Баку, могу иметь влияние на Дагестан?... Я остаюсь в надежде, что Вы сделаете какие-либо распоряжения относительно моего положения» [4, с. 616].

В ответ на это, А. П. Тормасов приглашает Аслан-бека прибыть в Тифлис во главе конного отряда дагестанцев и предлагает захватить в плен Ших-Али-хана, находящегося в то время в Табасаранском владении.

«...Вы можете быть совершенно уверены, — писал А. П. Тормасов, — что по окончании Вами той порученности, которую намерен на Вас возложить, я первым долгом себе поставлю всеподданнейше донести Е. И. В. о Вашем усердии и преданности к всероссийской империи и вместе с те испросить Вам приличную Высокомонаршую награду» [2, л. 44].

Для военной операции против Ших-Али-хана командование выделяет Аслан-беку значительную сумму. Русские войска вместе с отрядом Аслан-бека в Южном Дагестане нанесли поражение остаткам отряда Ших-Али-хана и сына Сурхай-хана II — Нух-бека. После этого старейшины и почетные лица от ряда общин и магалов Самурской долины, прибывшие к генералу Н. М. Хатунцеву (генерал-майор, главнокомандующий войсками в Дагестане) стали заверять в своей верности России.

Видя угрожающее для себя положение, Сурхай-хан II делает дипломатический шаг. В письме к А. П. Тормасову (июнь 1809 г.) он пишет о своей верности к России и добром отношении к Аслан-беку: «...Я его принял со всем желанием и отдал в замужество за него дочь с немалым при том награждением, и намерение мое было оставить его по себе наследником... однако он (Аслан-бек. – Авт.), оставив жену и семейство, бежал. Я имел на него злобу, а ныне оную прекратил» [2, л. 44]. В этом же послании Сурхай-хан II предупреждает, что желание русского командования назначить Аслан-бека ханом в Кубе еще больше обострит между ними отношения.

В феврале 1811 г. было подтверждено и документально оформлено вступление в подданство России союзов сельских обществ Южного Дагестана: Ахтыпаринского, Докузпаринского, Алтыпаринского и др. Вслед за этим в сел. Курах к Н. М. Хатунцеву прибыли «со всех деревень кюринские старшины и духовные чиновники с каждой деревни». Они жаловались на насилия и притеснения Сурхай-хана II и «с покорностью просили помилования и покровительства Всероссийской империи» [8, с. 20].

В связи с деятельностью Сурхай-хана II, который не раз присягал на верность и при удобном случае нарушал свою клятву, в декабре 1811 г. он был изгнан из столицы Кюринского владения – Кураха. Главнокомандующий войсками в Грузии генерал Паулуччи *****, не имея возможности постоянно держать в Кюре военные силы в достаточном количестве для ее защиты, в то же время опасаясь вводить в регионе русское управление. Было образовано Кюринское ханство, в которое вошли вся Кюринская плоскость, территория Курахского, Кошанского, Агульского и Ричинского союзов сельских обществ. Кюринским ханом же утверждается Аслан-бек, «известный своей ориентацией на Россию» [8, с. 319].

4 января 1812 г. торжественно в присутствии генерала Н. М. Хатунцева и коллежского советника С. К. Могилевского, назначенного для заключения с ним условий, Аслан-бек присяг-

нул на подданство России. Присяга новоявленного Кюринского хана заключалась в следующем:

«1) Аслан-бек и его преемники не должны признавать над собой ничьей власти, кроме власти русского императора; 2) Аслан-бек и его преемники не должны вступать ни в какие связи и союзы с соседними владельцами и вольными обществами, без разрешения главнокомандующего; 3) жителям Кюринского владения предоставляется пользоваться всеми правами, наравне с прочими верноподданными России; 4) Аслан-беку предоставляется право разбирать все дела, касающиеся внутреннего управления и производить суд по своему усмотрению; 5) Аслан-бек обязывается вносить ежегодно подати по 3 тыс. червонцев и по 3 тыс. четвертей хлеба; 6) в залог своей верности Аслан-бек должен выдать в аманаты старшего своего сына Нуцал-бека и 2 сыновей почетнейших кюринских старшин» [5, с. 160–161].

Последний пункт трактата свидетельствует о том, что русское командование все-таки не вполне доверяло Аслан-беку. Любопытны в этом плане замечания Н. Ф. Дубровина, автора многотомного труда по истории Кавказской войны, который считал, что Аслан-бек был назначен правителем Кюры лишь за недостатком войск для удержания этих земель. «На преданность его трудно было положиться, – писал Н. Ф. Дубровин, – и его вассальные отношения не могли быть прочны» [10, с. 433].

Как следствием вышесказанному, можно привести слова маркиза Ф. О. Паулуччи, который писал коллежскому советнику С. К. Могилевскому, что приведение Аслан-бека к присяге должно быть не раньше, чем по истечении со стороны генерал-майора Н. М. Хатунцева «...всех средств обратить к раскаянию Сурхай-хана Кун-буттая Казикумухского... если даст он в аманаты старшего своего сына, подпишет пункты трактата, соответствующие состоянию побежденного, то в таком случае утвердить его священным именем Е. И. В. по-прежнему законным владельцем всего Казикумухского ханства и возвратить под его власть Кюринское владение» [4, с. 150]. При отрица-

тельном ответе со стороны Сурхай-хана II было указание привести к присяге Аслан-бека. Ответ был отрицательный и присяга состоялась. Действия российского командования по этому поводу маркиз Паулуччи объясняет в письме к Сурхай-хану II (3 февраля 1812 г.) так:

«Часть владения Вашего отнял я потому, что Вы не сдержали святой присяги, которую несколько раз давали Е. И. В. верно служить и за то, что Вы не исполнили последнего моего повеления... а ежели Вы что-нибудь еще предпримите противу войск Е. И. В. и противу его подданных, тогда потеряете все свое владение и будете скитаться без пристанища, как ветреный Ших-Али» [4, с. 150].

Главнокомандующий войсками в Дагестане Н. М. Хатунцев в своем рапорте главнокомандующему на Кавказе Ф. О. Паулуччи от 9 января 1812 г. докладывал о том, что «...учредив в Кюринской провинции нужной порядок, оставил его (Аслан-бека. — Авт.) с приятельскими моими наставлениями относительно управления вверенным ему владением, яко в новоприобретенном kraю» [1, л. 535–538].

Кроме трактата с Аслан-беком были заключены еще и дополнительные условия, которыми он обязался:

«1) отдать сел. Курах, кроме жителей, в полное распоряжение русского гарнизона (2 батальона пехоты и 1 сотня казаков), оставленного для защиты Кюринского владения;

2) всеми мерами стараться привести в покорность России соседние вольные общества» [9, с. 40].

Аслан-беку был пожалован чин полковника, знамя с российским гербом, дорогая сабля. Но самым главным атрибутом его власти являлась инвестируная грамота императора Александра I об утверждении его наследственным и потомственным ханом, в которой говорилось следующее (текст в связи с важностью и уникальностью документа приводим полностью):

«Нашему любезно-верноподданному, почтенному Шах-Мардану казику-мухского сыну Аслан-беку, наша имп. милость и благоволение. По всеподданнейшем донесении командовавшего в Грузии, нашего ген.-л. маркиза

Паулуччи, о поражении дагестанских войск, стремившихся под начальством мятежного Ших-Али-хана на опустошение Кубинской провинции, нам верноподданной, и достойном наказании способствовавшего ему в том хана Хамбутая казикумухского и горских лезгин через поражение и их, с покорением Кюринской области и овладением кр. Юри, составлявшую главнейшую его защиту, приятно было видеть нам, в. г., что вы в том коварном умысле никакого участия не принимали, а напротив того — оказали истинное усердие к имп. престолу нашему и прямое попечение о благе кюринских жителей, содействуя к вызову их из лесов и ущелий, где они укрывались после разбития лезгин, к возвращению их в прежние жилища и к склонению на добровольное покорение державе нашей.

Воуважение таковой благонамеренности вашей, мы, в. г., наше и. в., соизволяя наградить вас за тот подвиг особою нашою милостью и не сомневаясь вообще в преданности вашей к нам, изъясненной в пунктах условия, с ген.-м. Хатунцовым вами учиненного по данной ему от ген.-л. маркиза Паулуччи доверенности, и в дополнительных статьях, к тому условию присовокупленных и вами подписанных, признаем вас и утверждаем наследственным в Кюринском ханстве и потомственным ханом под верховным покровительством, державою и защитою Российской империи, вследствие чего, включая вас и дом ваш и всех Кюринского владения жителей в число наших верноподданных, обещаем вам и преемникам вашим наше имп. благоволение и купно с тем, за благо приемля все статьи, в тех условиях вами подписанные и в копии с российским переводом от слова до слова к сей нашей жалованной грамоте приложенные, утверждаем оные имп. нашим словом, за нас и высоких преемников наших во всей силе, на вечные времена ненарушимо.

В ознаменование же ханского достоинства жалуем вам саблю и знамя с гербом империи Всероссийской, которое имеете вы хранить в доме вашем, повелевая и преемникам сего достоинства испрашивать на оное утверждения нашими имп. грамотами, которые, равно как

и сия, по особому милосердию нашему и будут им жалуемы. В прочем, поручая вам управлять жителями сего ханства с кротостью и правосудием, уверены мы, что и преемники ваши в преданности своей к нашему имп. престолу и в точном исполнении воспринятых на себя обязанностей будут непоколебимы.

В таком надежии и в залог монаршей нашей к вам и ко всему Кюринского ханства народу милости дана сия имп. наша грамота за собственноручным нашим подписанием и с приложением государственной печати в Вильно, июня 10-го дня в лето от рождества Христова 1812-е и царствования нашего в 12-е» [5, с. 631–632].

Вручение грамоты и других знаков внимания Аслан-беку происходило в торжественной обстановке. По доставлении грамоты начальнику гарнизона Кюринской крепости, последний уведомил Аслан-бека о присылке «знаков Высочайшего к нему благоволения Его Императорского Величества» и просил его назначить день, в который должно состояться вручение грамоты. Хан собрал почетных кюринских старшин и в назначенный день явился со свитой к месту вручения. Сюда же прибыл начальник гарнизона во главе отряда из 100 человек рядовых и офицеров, который нес перед собой на богато расшитой подушке свиток Высочайшей грамоты, а за ним один обер-офицер нес распущенное знамя с гербом Империи, другой — саблю, лежащую в открытом футляре. При появлении начальника гарнизона воинская команда отдала честь при барабанном бое с музыкой, а затем процессия направилась к месту, где расположился хан со своими приближенными. Начальник гарнизона, вручив грамоту хану, высказал ему приветствие, а последний принял ее в знак почтения, поцеловал ее и отдал своему помощнику, затем таким же образом были преподнесены знамя и сабля. В это время под барабанный бой с крепости раздались три пушечных выстрела. После этого, уже приближенные хана, сопровождаемые отрядом русских солдат, торжественно понесли принятые знаки внимания в ханский дом, где были водружены на почетное место. Данный церемониал был специальн-

но разработан в Тифлисе и его с точностью исполнили по назначению. По мнению командования, он был необходим для того, чтобы «сие произвело впечатление на народ, который сам увидит особенную милость Государя Императора к их хану и торжественное утверждение его владетелем над ними» [9, с. 40].

Однако монаршая милость племяннику не смущила Сурхай-хана II — он начал активно предпринимать действия по завоеванию Кюры. Например, его сыновья во главе отрядов не раз появлялись в окрестностях сел Ричи и Чираха, склоняя местных жителей к неповиновению новому хану. Аслан-хан моментально на это отреагировал: собрал милицию и предложил майору Рябинину, начальнику гарнизона в Курахе сделать рейд к Кази-Кумуху. Близ сел. Хосреха объединенный отряд был встречен значительными силами казикумухцев, которые прогнали Аслан-хана с потерями. В мае 1812 г. братья Аслан-хана Гасан-Ага и Фет-Али-хан, насилино удерживаемые Сурхай-ханом II, смогли бежать из Кази-Кумуха в Курах. Противостояние все более накалялось.

Сурхай-хан II, не перестающий думать о возвращении под свою власть Кюры, обратился за помощью к персидскому правительству и получил от шаха фирманс. Параллельно, через Мехти шамхала Тарковского он вел переговоры о его принятии вновь в подданство России и в то же время призывал акушинцев и аварцев овладеть Кюрией.

В связи с напряженной обстановкой генерал-майор Хатунцев в июле 1812 г. во главе отряда двинулся к сел. Рича. Сурхай-хан II, не надеясь устоять в данной ситуации и опасаясь продвижения отряда противника к Кази-Кумуху, начал переговоры, соглашаясь принять присягу на подданство России. В лагерь к генералу Хатунцеву прибыл сын Сурхай-хана II Муртузали и привез подписанный и скрепленный печатью отца лист с присягой и письмо, в котором говорилось, что отец по старости и слабому здоровью приехать лично не смог. Подобное непостоянство Сурхай-хана II продолжалось и в дальнейшем, пока не завершилось смертью последнего в 1827 г.

Таким образом, существовавшая вражда между дядей и племянником, т.е. Сурхай-ханом II Казикумухским и Аслан-ханом Кюринским, была не что иное как средство российских властей для обуздания Сурхай-хана II. Позиция русского командования по отношению к Сурхай-хану II и Аслан-хану была определенной: «...оказывать ему (Сурхай-хану II) вежливость и ни в чем не верить, существующая между ним и полковником Аслан-ханом вражда должна быть поддерживаема скрытым образом» [6, с. 38].

В период русско-иранской войны и позже российское командование прилагало много усилий для привлечения на свою сторону мятежного казикумухского хана, который, в свою очередь, принятие в подданство России не рассматривал как безусловное и окончательное решение, и поэтому продолжал политику лавирования с Россией, предпочитая опираться на Иран, пытаясь таким образом сохранить свою независимость.

Подвластный ему народ не мог обойтись без хлеба Кюринской провинции, и поэтому, поддерживая Аслан-хана и лимитируя отпуск хлеба в Кази-Кумух, российское командование могло держать население в относительной покорности и зависимости. И того и другого можно было «достигнуть только до известной степени, потому что владельцы не столько заботились о благе своих подданных, сколько о своей личной независимости, которой, по их мнению, угрожала величайшая опасность» [10, с. 354].

Население Казикумухского ханства, уставшее от постоянного противостояния Сурхай-хана II российскому командованию на Кавказе, склонялось к принятию подданства России, что в итоге и произошло.

Российское командование умело продолжало в отношении влиятельных лиц Дагестана традиционную амбивалентную политику. С помощью военной силы, всевозможных подарков и возведений в то или иное достоинство оно реинтегрировало отпавшие области, уничтожало очаги сопротивления, усиливало свое влияние в регионе.

В настоящей публикации предпринята попытка сосредоточить внимание на недостаточно освещенных аспектах (с использованием ряда выявленных источников и введением их в научный оборот) изучения личности и общественно-политических взглядов Аслан-бека Кюринского на различных этапах его деятельности. Важным является объективная интерпретация его взаимоотношений с царской администрацией на Кавказе и с местными лидерами.

Значимость изучения истории жизнедеятельности Аслан-бека Кюринского несомненна. Как с точки зрения научной, так и политической, особенно с учетом того, что многие аспекты современной кавказской политики соперничающих сторон уходят своими корнями вглубь веков, возрождаются в системе нынешних международных отношений, крайне осложненных стремлением внутренних и внешних антироссийских сил вытеснить Россию с важнейшего геополитического региона.

ПРИМЕЧАНИЯ

* Шахмардан-бек (?—1788) — сын Магомед-хана, разорвав отношения с отцом, уехал из Казикумуха и просил помощи у Фет-Али-хана, который, отделив от Дербента всю северную часть Кюры до Кабира и от Кубы весь Гюнейский магал, поручил их ему в управление на ханских правах, присоединил Курахский магал и образовал Кюринское владение.

** Чанка — дитя от неравного брака.

*** Сурхай-хан II Казикумухский (Кун-Буттай) (?—1827) — сын Магомед-хана, по свидетельству современников, был большого роста, вид имел грозный, отличался большой ученостью в мусульманском духе и славился как беспристрастный и справедливый судья.

**** Ших-Али-хан Дербентский и Кубинский — придерживался проиранской ориентации, в 1800 г. был изгнан жителями Дербента, которые так характеризовали своего бывшего хана: «...человек ветреный и любящий роскошную жизнь, грабитель и несправедливый. Мы его гнушаемся, он нам несносен, охотно

пожелаем жертвовать жизнью с женами, детьми и имуществом, нежели быть в власти у него» [6, с. 51]. Вновь стал ханом Дербентским (1803), но через 3 года был изгнан навсегда. Пытался закрепиться в Кубе, но генерал С. А. Булгаков заняв Кубу, отстранил его от управления ханством, после чего бежал в горы Дагестана.

***** Гудович И. В. (1741–1820) – граф, генерал-фельдмаршал, участвовал в покорении Бакинского, Шекинского, Дербентского ханств. Во время Русско-турецкой войны (1806–1812) одержал победу при Арпачае (1807), но после неудачного штурма крепости Эривань (1808) вынужден отступить в Грузию. Член Государственного совета, сенатор (1809–1812).

***** Паулуччи Ф. О. (1779–1849) – род. в Модене (Италия), поступил на русскую военную службу, получив чин полковника (1807), начальник Штаба Грузинского Корпуса (1810); отличился в деле близ Ахалкалаки (1810) против корпуса персов и турок, под начальством царевича Александра Грузинского, генерал-лейтенант (1810), главнокомандующий Грузией и войсками, там расположенными (1811), сдал командование генералу Н.Ф. Ртищеву, будучи вызван в Петербург вследствие назначения начальником Главного Штаба 1-й Западной армии (1812).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Российский Государственный Военно-исторический архив. Ф. Военно-ученый архив (ВУА). Оп. 1. Д. 6164.
2. Рукописный фонд Института истории, археологии и этнографии дагестанского научного центра Российской Академии наук Ф. 1. Оп. 1. Д. 551.
3. Акты, собранные Кавказскою археографическою комиссию: В 12 т. / Под ред. А. Д. Берже. Т. III. Тифлис, 1869. 760 с.
4. Акты, собранные Кавказскою археографическою комиссию: В 12 т. / Под ред. А. Д. Берже. Т. IV. Тифлис, 1870. 1111 с.
5. Акты, собранные Кавказскою археографическою комиссию: В 12 т. / Под ред. А. Д. Берже. Т. V. Тифлис, 1873. 1170 с.
6. Акты, собранные Кавказскою археографическою комиссию: В 12 т. / Под ред. А. Д. Берже. Т. VI. Тифлис, 1875. 950 с.
7. Материалы по истории Дагестана и Чечни. Т. III. Ч. I. (1801–1839 гг.). Махачкала, 1940. 471 с.
8. Русско-дагестанские отношения в XVIII – начале XIX в.: Сборник документов. М.: Наука, 1988. 357 с.
9. Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. II. Тифлис, 1869.
10. Дубровин Н. Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. Т. IV. СПб., 1886. 494 с.